Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. No 4 | ISSN: 2658-7734
Новые медиа и коммуникации | https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.595

Features of the Politics of Memory in the Caspian Region: The Case of Azerbaijan

Maria M. Fedorova (a) & Anna P. Romanova (b)

(a) Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; State Academic University of Humanities. Moscow, Russia. Email: mf57[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-1181-5219

(b) Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia. Email: aromanova_mail[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-8537-4893

Received: 15 August 2024 | Revised: 10 October 2024 | Accepted: 17 October 2024

Abstract

In this article, based on the analysis of data from a comprehensive sociological study, the features of the memory policy of the Republic of Azerbaijan were identified in comparison with similar ones in other "post-Soviet" Caspian republics in the context of constructing new national identities. It was concluded that the memory policy of the Republic of Azerbaijan, the "core" of which is the concept of "trauma", plays an important role in constructing the country's new national identity. In this case, trauma is represented by a whole complex of memory markers combined with ideas about the genesis of Azerbaijanis' own national identity in the confrontation with the Armenian people (deportation, wars). These events left a deep mark on the collective memory of the Azerbaijani people, especially due to mass losses, forced displacement, and destruction. The state actively uses the memory of traumatic events to strengthen national identity, to unite the society and to mobilize the nation around the idea of restoring territorial integrity.

Keywords

Memory; Politics of Memory; Trauma; Post-Soviet States; Azerbaijan; Armenian-Azerbaijani Conflict; Caspian Region

This work is licensed under a Creative Commons "Attribution" 4.0 International License

Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. No 4 | ISSN: 2658-7734
New Media and Human Communication | https://doi.org/10.46539/gmd.v6i4.595

Особенности политики памяти в Каспийском регионе: азербайджанский кейс

Федорова Мария Михайловна (a), Романова Анна Петровна (b)

(a) Институт философии РАН; Государственный академический университет гуманитарных наук. Москва, Россия. Email: mf57[at]yandex.ru ORCID https://orcid.org/0000-0002-1181-5219

(b) Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева. Астрахань, Россия. Email: aromanova_mail[at]mail.ru ORCID https://orcid.org/0000-0001-8537-4893

Рукопись получена: 15 августа 2024 | Пересмотрена: 10 октября 2024 | Принята: 17 октября 2024

Аннотация

В данной статье на основе анализа данных комплексного социологического исследования были выявлены особенности политики памяти Азербайджанской Республики в сравнении с аналогичными в других «постсоветских» каспийских республиках в контексте конструирования новых национальных идентичностей. Был сделан вывод о том, что политика памяти Азербайджанской Республики, «ядром» которой является понятие «травмы», играет важную роль в конструировании новой национальной идентичности страны. В данном случае, травма представлена целым комплексом меток памяти, объединённых с представлениями о генезисе собственной национальной идентичности азербайджанцев в противостоянии с армянским народом (депортация, войны). Эти события оставили глубокий след в коллективной памяти азербайджанского народа, особенно из-за массовых потерь, вынужденного переселения и разрушений. Государство активно использует память о травматических событиях для укрепления национальной идентичности, сплочения общества и мобилизации нации вокруг идеи восстановления территориальной целостности.

Ключевые слова

память; политика памяти; травма; постсоветские государства; Азербайджан; армяно-азербайджанский конфликт; Каспийский регион

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Введение

Политика памяти является неотъемлемой частью существования любого современного государства, наглядно демонстрируя цели его развития. Это сложная система подходов и практик, используемая для легитимации политического режима, создания коллективной исторической памяти народов и укрепления национальной идентичности. Молодые социальные системы создают национальный нарратив, выбирая определенные исторические события, чтобы обосновать свою субъектность в международных отношениях. Как отмечает французский исследователь Пьер Нора, за последние десятилетия многие государства и этно-социальные сообщества прошли через глубокое переосмысление традиционных моделей восприятия прошлого. Социальное пространство наполнилось мощной волной воспоминаний, которая тесно связала верность прошлому, будь то реальному или воображаемому, с общей судьбой, коллективным и индивидуальным самосознанием, исторической памятью, ценностными кодами и идентичностью (Nora, 2002).

На протяжении более тридцати лет, в условиях противоречий и динамических изменений, происходит становление новых постсоветских государств, которые, имея длительный опыт совместного существования, стремятся сегодня к культурной суверенизации и политической самостоятельности. Но с приходом новых поколений, которые не помнят и не осознают значимость советской эпохи, «советский мир» постепенно исчезает. Сдерживать процесс дальнейшей гетерогенизации все труднее, а порой и невозможно (Левашов, 2023, с. 436).

Необходимость сохранения автономности и субъектности, формирования гражданской нации, совершенствования государственного строительства приводят национальные правительства постсоветского пространства к поиску механизмов и инструментов ремоделирования национальной идентичности и использования коммеморативных практик политики памяти, значительная часть которых связана с историческими событиями советского периода.

Начиная с 1991 года, в каждом из постсоветских государствах Каспийского региона (Азербайджанская Республика, Республика Казахстан, Туркменистан) проводится собственная политика памяти (politics of memory), которая осуществляется через принятие законов, контроль над средствами массовой информации, систему образования, создание музеев, памятников, монументов и мемориальных комплексов и т.д. Политика памяти – это одна из областей символической политики, в которой, согласно Бурдьё, производится «ретроспективная реконструкция прошлого при применении потребности настоящего» (Бурдьё, 2007, с. 29). Несмотря на то, что все три страны являются частью Прикаспия и имеют общее историческое советское прошлое, что, казалось бы,

должно формировать некий общий шаблон конструирования новых идентичностей, политика памяти каждой из них может иметь свою специфику[1].

Среди многочисленных работ, посвященных изучению проблем формирования и конструирования политики памяти, комплексные исследования проблем памяти в Каспийском регионе практически отсутствуют. Часто изучение политики памяти идет через анализ концепции «Чужого / Другого» и его трансформации, на котором строится новый вектор этой политики (Емельянова, 2020; Budrytė, 2022; Алиев & Якушенкова, 2022; Алиев, 2024). Политика памяти в Республике Казахстан и Туркменистане зачастую рассматривается в контексте коллективной памяти Центрально-Азиатского региона (Denison, 2009; Todorova & Gille, 2012; Paskaleva & Berg, 2023; Галиев, 2018; Плотников, 2018). Что же касается Азербайджанской Республики, то в этой стране изучение политики памяти чаще всего осуществляется через призму армяно-азербайджанского конфликта (Radnitz, 2019; Мелелашвили, 2008; Krzysztan, 2021), причем как со стороны азербайджанских (Garagozov, 2006; Yavuz & Gunter, 2022; Bahramov, 2022), так и армянских (Hambardzumyan, 2023; Амбарцумян, 2023; Агаян, 2021) исследователей, которые формируют два противоборствующих поля мнений. Стоит выделить ряд работ, посвященных формированию политики памяти в контекстах отношения к советскому прошлому (Garagozov, 2012; Mammadova, 2024), «травмы» (Mammadova & Məmmədova, 2023), а также влиянию политики памяти на конструирование новой национальной идентичности в Азербайджане (Карагезов, 2009; Заяц, Зинченко, 2024). Несмотря на это, работы, основанных на результатах полевых исследований, практически отсутствуют.

В данной статье мы ставим перед собой цель выявить особенности политики памяти Азербайджанской Республики в сравнении с аналогичными в других «постсоветских» каспийских республиках в контексте конструирования новых идентичностей.

Методы исследования

Основными методами наряду с аналитическим и методом сравнительного анализа, являлся комплекс социологических методов:

1. Опрос в форме электронного анкетирования, проведенный в сентябре 2023 года, целью которого являлось описание процесса конструирования новых идентичностей в Азербайджане. В качестве объекта исследования выступали граждане Азербайджана. Предметом исследования – особенности конструирования новых идентичностей в Азербайджане (в частности, затрагивались вопросы языковой политики в стране). Электронный опрос производился на платформе Survey-Studio с возможно-

1 Мы это показали на примере ранее проанализированных особенностей политики памяти в Республике Казахстан и Туркменистане на основе данных полевых исследований. (См: Романова & Федорова, 2023а; 2023б; Романова & Морозова, 2023; Романова & Черничкин, 2024).

стью аутентификации респондента по IP-адресу (респондент не мог дважды заполнить анкету по присланной ему электронной ссылке). Объем выборочной совокупности составил 350 респондентов. Выборка: целенаправленная методом типичных представителей (граждане Азербайджана), основными признаками отбора являлись регион проживания, возраст и пол респондентов.

2. Серия фокусированных групповых интервью, проведенная на территории Азербайджанской Республики. Были проведены восемь фокусированных групповых интервью: пять со студенческой молодежью в возрасте от 18 до 30 лет; два с лицами среднего возраста (31-50 лет) и одно с пожилыми людьми (старше 50 лет). Выборочная совокупность исследования была гомогенна по таким признакам как гражданство участников и возраст.
3. Серия экспертных интервью, проведенная в сентябре 2023 года на территории Азербайджанской Республики. В ходе данного исследования были проведены 9 интервью с экспертами в различных сферах: образование, наука, политика, социальная деятельность. По всем выделенным индикаторам была задана серия вопросов, а сами вопросы были разделены на тематические блоки. После транскрибирования интервью были составлены полноформатные текстовые транскрипты. Для реализации поставленных задач исследования применялся целенаправленный отбор респондентов, выступивших в качестве экспертов. При ограничении поиска в рамках целенаправленного отбора использовалась методика «снежного кома», целью которой являлось нахождение новых участников интервью путем ссылки на них уже поучаствовавших в интервью.

Для сравнительного анализа также использовались ранее полученные нами данные полевых социологических исследованиях в Республике Казахстан, а также среди граждан Туркменистана, проходящих обучение в ВУЗах регионов Юга России[1].

«Десятилетия вокруг травмы»

Политика памяти на первоначальном этапе становится важнейшей частью идентитарной политики, которая представляет собой сложный комплекс постоянно трансформирующихся направлений, механизмов, факторов, элементов (Семененко, 2017; Семененко, 2023). Исторический и культурный виды памяти[2] как базисный вектор политики идентичности

1 Проведение полевых исследований непосредственно в Туркменистане было невозможно ввиду определенной закрытости данного государства

2 Большинство исследователей рассматривают их как нетождественные (См: Рагозина, 2017; Бегунова, 2019); в случае наших исследований эта дифференциация не имеет особого значения, поэтому мы обозначим ее обобщенно как историческую.

бывших советских республик имеют как общие черты, так и свои страновые особенности, обусловленные целым рядом факторов: территориальной принадлежностью, предыдущим социальным устройством, менталитетом, историческим багажом, этнической палитрой и т.д. На основе анализа результатов исследований в странах Прикаспия (Казахстан, Туркменистан, Азербайджан) нами были выявлены определенные закономерности, способствовавшие формированию базовых принципов политики идентичности, в рамках которой политика памяти играет ключевую роль. Сравнивая политику памяти трех Прикаспийских стран – Республики Казахстан, Туркменистана и Азербайджанской Республики, – можно выделить целый ряд общих моментов – «удревление» истории, ее мифологизацию и героизацию, вычленение векторов темного прошлого и светлого будущего и т. д. Эти аспекты наблюдаются практически у всех трех стран, как и у большинства бывших советских республик. Однако структура политики памяти в целом не является полностью универсальной, каждая страна имеет свою специфику. Нас же интересуют, прежде всего, те особенности, которые отличают политику памяти одной страны от другой, поскольку в данном случае во многом именно она формирует отношение населения к своему прошлому, а также будущий характер межкультурных коммуникаций, прежде всего, со своими историческими партнерами и соседями.

Практически в политике всех трех государств мы обнаруживаем общий узел – обретение независимости как точку невозврата, и одновременно как локальное «осевое время», выступающее водоразделом уже свершившегося прошлого и ожидаемого будущего. Важной характеристикой политики памяти является ее историчность, которая не может существовать вне постоянных разрывов. Таким разрывом в ткани исторического сознания и является 1991 г. для стран постсоветского пространства, когда предыдущая политика памяти уже не могла работать на новую государственность, но новая еще не была выстроена. Не были установлены главные маркеры, но основной вектор – «не так как в СССР», – считывался сразу. Однако разрыв историчности в данном случае не подразумевал полной девальвации «советской страты памяти», поскольку она воспроизводилась и до сих пор воспроизводится частью взрослого населения исследуемых стран.

Специфика исторической памяти Азербайджана проявляется уже в точках разрыва. Если, как показывают наши исследования, в Республике Казахстан и Туркменистане главным определяющим событием является 1991 г. как дата обретения независимости и провозглашения самостоятельной государственности, то для респондентов из Азербайджана главной точкой координат, обозначающей основную специфику новой идентичности, является «Великая победа» в Отечественной войне (Отечественная война…web) … с Арменией. И практически взаимоотношения между этими народами являются основой исторической памяти азербайджанцев (см. табл. 1).

Table 1. What historical events, in your opinion, are the people of your country proud of? (summary table for three countries)

Таблица 1. Какими историческими событиями, по Вашему мнению, гордится народ вашей страны? (сводная таблица по трём странам)

№	Республика Казахстан	Туркменистан	Азербайджанская Республика
1	16 декабря 1991 г. – день независимости Республики Казахстан (28,6%)	27 октября 1991 г. – день независимости Туркменистана (29,4%)	08 ноября 2020 г. – День Победы во Второй карабахской войне (44-дневная война) (45,0%)
2	Декабрьские события в Алма-Ате 1986 г. (6,4%)	Древняя история (10,7%)	30 августа 1991 г. – принятие Декларации о государственной независимости Азербайджанской Республики (17,3%)
3	Победа в ВОВ 1941-1945 гг. (5,0%)	Современными событиями (10,7%)	28 мая 1918 г. – объявление о создании Азербайджанской Демократической Республики (14,5%)

Если для Казахстана и Туркменистана годом обретения независимости является 1991, то в истории Азербайджана был период с 1918 г. по 1920 г., когда Азербайджан провозгласил свою государственность. Хотя период был недолгим, в исторической памяти азербайджанцев он зафиксирован (Абдуллаев, Лобанов & Михайлов, 2018). Фактически в данном случае происходит двойной разрыв историчности: первый раз в 1918 г., второй – в 1991 г.

Для Азербайджана разрывы в ткани исторического сознания тесно связаны с травмирующими карабахскими событиями, являющимися следствием глубинного армяно-азербайджанского конфликта, где победа в Отечественной войне 2020 г., дополненная событиями 2023 г.[1], становится его завершением и началом нового этапа. Но, как указывает отечественная исследовательница Емельянова Н.Н., именно длительные военные действия относятся к наиболее значимым травмам (Емельянова, 2020).

В последнее время происходит институционализация дискурса исследования травм (Штомпка, 2001; Jay, 2003; Айерман, 2016). Если говорить об исторической и культурной травмах, а они по умолчанию расцениваются как коллективные, то естественный процесс детравматизации, который должен происходить в связи со сменой поколений и фактором забвения, искусственно замещается пролонгацией травмы, превращением ее в регулярно воспроизводимое состояние за счет символизации, материализации через памятники, мемориалы, музеи, т.е. через меморизацию травмы. С одной стороны, это превращает ее в некий реликт: процесс ритуализации может превратиться со временем в рутинизацию, параллельно происходит и «мумификация»

1 Исследование в Азербайджане проводились в сентябре 2023 г, как раз после окончания военных действий, что немного скорректировало результаты.

основной фактологии травмирующего события. В данной статье нас интересует концепция «травмы» как воспроизводство того или иного трагического события в ментальности народа, поддерживаемое системой коммеморации.

Травма на данном этапе ее осмысления представляется сложным комплексным феноменом, не столько обладающим статусом объективно существующий реальности, сколько важным элементом восприятия, общественного мнения. «В этом смысле каждая коллективная травма – в значительной степени социальный конструкт, порожденный основной социальной потребностью» (Аникин, Головашина, 2017, с. 80). Но из социального понятия травма может превратиться в метафизическое. Травматические события разного уровня существуют в истории практически всех стран, однако не все они превращаются в то, что мы условно назвали «реактивной травмой», становящейся двигателем других, более обширных процессов. Таким образом, эта травма может быть и фантомной, но управлять реальными процессами.

Такая «реактивная травма» воспринимается как разрыв: историчности, экзистенции, структуры повествования (З. Фрейд). Она разрушает предыдущую экзистенцию, разрывает сформировавшуюся историчность, делая невозможными предыдущие нарративы. Она перечеркивает прошлую идентичность, которая, с позиций субъекта травмирующего события, не смогла его предотвратить. Поэтому как разрыв она может являться одновременно и новой точкой отсчета для конструирования новой идентичности, в которую будет вмонтирована память об этой травме. По мнению А. Ассман, «идентификация через травму была весьма характерна для эпохи модерна» (Ассман, 2016, с. 74).

С позиции А. Бадью, травма не только разрыв, но одновременно и событие, приводящее к разрыву темпоральности, точка отсчета, бифуркации. «События, по его мнению, – это сингулярности, имеющие место вопреки законам и правилам ситуации, но эффективно меняющие порядок вещей» (Бадью, 2002, с. 271). Однако они не тождественны. Не каждое событие – травма, но каждая травма на социальном уровне – потенциальное событие.

По мнению российского исследователя Головашиной О.В., тот факт, «что травму нельзя включить в сложившуюся темпоральную структуру, оказывается одной из причин невозможности простого преодоления травмы. Репрезентация травмы недоступна в сложившемся смысловом поле. Необходимо конструирование нового поля» (Головашина, 2018, с. 46), а часто и новой идентичности.

Сравнивая политику памяти трех исследуемых нами стран, концепцию «травмы», так или иначе связанную с Россией, в разной степени можно обнаружить как в официальной трактовке политики памяти (Токаев высказался… web; Кровная Память…web), так и социальных сетях. Однако в коллективном сознании молодежи эти моменты сохраняются в разной степени.

В процессе проведения фокус-групповых интервью (6 фокус-групп) и анализа результатов количественного опроса туркменской молодежи (N=350),

тема травмы практически не всплывала. Только один из участников фокус-групповых интервью упомянул Геоктепинские события, которое тоже можно рассматривать в сфере политики памяти Туркменистана как двойной разрыв исторического сознания. Первый этап – Геоктепинское сражение 1879 г., когда русские войска были отбиты защитниками крепости Геоктепе, что расценивается в стране как победа туркменского оружия и рассматривается как знаковое историческое событие, изредка упоминаемое респондентами (3,7%). Второй эпизод – сражение 1881 г., когда был осуществлен разгром защитников крепости и присоединение Туркменских территорий к России. В туркменских СМИ это иногда квалифицируется как геноцид (Геоктепинская битва…web). Однако участники исследования практически не затрагивали эту травматическую сторону геоктепинских событий.

В Казахстане ситуация менее однозначна. Анализ результатов количественного (N=700) и качественного (5 фокусированных групповых и 9 экспертных интервью) исследований показал, что в исторической памяти казахстанцев имеют место травматические моменты – это так называемый голодомор и использование территории Казахстана как места ссылки. Именно там был расположен, в том числе, печально известный А.Л.Ж.И.Р. (Акмолинский лагерь жен изменников родины); представление о наличии травмы подпитывает и тот факт, что именно в Казахстан депортировали некоторые народы по указу Сталина во время и после войны (чеченцы, карачаевцы, калмыки, крымские татары, немцы, ингуши, балкарцы и др.). Однако, в сущности, эти события не являются осевыми, поскольку голод в СССР был не только казахстанской трагедией. Он унес многочисленные жизни в Поволжье и на других советских территориях, а депортации казахского населения в масштабах этноса не было. Осмысление связанных с голодом событий, как травмирующих казахстанцев, связанно с семантическим смещением голода на голодомор, осуществленным явно в политических целях. Однако эта проблема не занимает ведущее место в ответах участников исследования. Данные вопросы поднимаются только изредка в экспертных интервью. Таким образом, феномен травмы не является реперной точкой конструирования новой исторической памяти ни для Туркменистана, ни для Казахстана, хотя, в определенной степени, он затрагивает общественное сознание.

Среди исследуемых нами прикаспийских государств именно в Азербайджанской Республике фактор травмы является наиболее ярким маркером, а механизм конструирования исторической памяти во многом построен на понятии «травмы», которое, в свою очередь, является одним из основных, наряду с «азербайджанизмом»[1], строительных материалов, конструирующих и поддерживающих национальную идентичность. Травму культивируют и педалируют те сообщества, для которых она становится связующим звеном (Александер, 2013).

1 Мировоззренческая концепция, характеризующая парадигму национального самосознания, определяющего место Азербайджана в мире как независимой нации.

Теперь посмотрим, какие события являются травмирующими для коллективной памяти азербайджанцев. По нашему мнению, можно вести речь о целом комплексе таких событий, объединённых, в том числе, и с представлениями о генезисе собственной национальной идентичности азербайджанцев в противостоянии с армянским народом. Эти события относятся к глубокой истории, отмеченной обоюдными территориальными претензиями, которые очень подробно зафиксированы в обстоятельном научном труде В.А. Шнирельмана (Шнирельман, 2003).

Анализ результатов исследований, проведенных в Азербайджанской Республике, показал, что все события, которые сохранились в коллективной памяти и воспроизводятся респондентами, можно разделить на два блока: первый связан с независимостью Азербайджана и с травматическими воспоминаниями о ее утрате. Второй – с процессом осмысления болезненных моментов прошлого. При этом, если в фокус-групповых интервью с туркменскими и казахстанскими информантами блок контента, касающегося маркеров независимости, был доминирующим, именно вокруг него формировались остальные памятные события преимущественно современного периода, а даже если травмирующие факты из истории упоминались, то никем из респондентов они не пропускались через личные воспоминания и эмоции, – то в Азербайджане центральное место занимает победа в армяно-азербайджанском конфликте, что является одновременно и фактором триумфа и травмирующим событием.

Для азербайджанских информантов эти события воспринимались не как далекая история, почерпнутая из учебника, а как события, проживаемые и запечатленные. Среди всех знаковых исторических событий, упомянутых участниками качественного исследования, можно выделить 4 основные травматические события (% упоминаний):

- 44-дневная Отечественная Война (2020 г.) – 12%;
- Ходжалинская трагедия (1992 г.) – 8,7%;
- Черный Январь (1990 г.) – 6%;
- Насильственное переселение азербайджанского населения с территории Армении – 4,6%.

Эти события выстраиваются – через страдание, преодоление и победу – вокруг взаимоотношений со своими соседями и определяют нациеобразующую историю Азербайджана. Как и в случае с мобилизацией глобального армянства вокруг травмы 1915 г., с точки зрения исследователя М.В. Мельникова, «Ходжалы стал иконой “азербайджанизма”, собирательным образом азербайджанского национального мученичества (шахидизма)» (Мельников, 2023, с. 126).

– «… это очень особенные даты, и каждый год мы отмечаем это как день траура». (ФГ-1);

– «Это все очень важные вехи для Азербайджана, для его становления, для его целостности. Вообще для всего. И вообще не только для Азербайджана, мне кажется, для всего региона вообще это очень важно. Ну, наконец-то вообще, я думаю, это закончилось. Несмотря на большие человеческие потери, я думаю, что это, по-моему, самое было важное». (ФГ-2).

В 1998 году, указом Гейдара Алиева, ходжалинские события были официально названы Геноцидом в Азербайджане. Власти вложили значительные средства в увековечивание памяти Ходжалинской трагедии, и это именно тот случай, когда их усилия нашли полное понимание и поддержку во всех слоях азербайджанского общества. Было создано и поставлено несколько театральных постановок («Зов Ходжалы» (В. Асадов 2004), «Когда цветет миндаль» (Г. Гаджиева 2018), «Ходжалы – это было» (Б. Ханызаде 2019) и другие); сняты документальные и художественные фильмы, в том числе «Мы вернемся» (реж. Э. Касимов 2007), «Набат» (Д. реж. Джаббарлы 2014), «Убегая от тьмы» (реж. Д. Джанкович 2017) и другие; написаны музыкальные произведения (М. Гулиев, Т. Бакиханов, А. Дадашов, П. Тилуа, А. Чайковский и др.). Азербайджанские и зарубежные писатели создали романы и повести – «Пленник» М. Абдуллы, «Боль» Ам. Гута и Ар. Гута, «Черные подснежники» Е. Абрамова. Н. Мамедов, автор первого мультфильма, снятого на Азербайджанской киностудии, отразил это событие в своей картине. Небольшая скульптура «Крик матери», установленная в Баку в 1993 году семьей скульпторов Рустамовых, в 2008 году была реконструирована в почти девятиметровый монумент. Памятник стал конечной точкой коллективного мемориального комплекса. На протяжении многих лет азербайджанские власти организуют массовые шествия, завершающиеся возложением цветов к памятнику. Многолетняя работа по созданию многочисленных форм общественной мемориальной культуры привела к тому, что каждый житель страны в той или иной форме принимает участие в поминовении Ходжалы.

Достаточно сильное педалирование произошедших травматических событий, а также акцентирование внимания на эмоциональной стороне, на наш взгляд, серьезно повлияло на восприятие травматических событий молодым поколением. Как показали результаты качественного исследования, молодые информанты упоминают «Черный январь» и «Ходжалинскую трагедию» чаще и эмоциональнее, чем возрастные эксперты, которые, по сути, являлись очевидцами и участниками данных событий. А рассказы родных и близких только усиливают эмоциональность:

– «В трагедии (Черный январь) погибло очень много мирного населения, которое это было ночью, когда люди спали, мирное население, которое без ничего, и вдруг в эти дома врываются танки и так далее…» (ФГ-1);

– «Ходжалинская трагедия. Потому что это было…Ночью, если началось это неожиданно, забрали детей. И сколько может прожить ребенок? Непри-

ятные ситуации, неприятные картины, неприятные истории из уст родителей». (ФГ-6);

– «Эта война оставит очень большое пятно в мой памяти, это на самом деле очень сложно это все переживать. И ты входишь в эту историю, и ты переживаешь важный момент. Это очень тяжело для психики. В принципе, то есть ты видишь, как плачут чьи-то мамы, чьи-то братья, сестры. Извините, я сейчас заплачу». (ФГ-4);

– «Это незабываемое событие в жизни Азербайджанского народа. Потому что учителя, которые нам преподавали, преподают на данный момент. Они в живую это видели все. Это ночью произошло кровавое убийство. Утром они шли в университет, везде валялись трупы, кровь. Геноцид. Геноцид, да. То есть люди ни в чем не виноваты просто друг на друга накинулись. Автобус с врачами. Когда там просто переехал автобус.» (ФГ-2).

Центральное же место в современной политике памяти Азербайджана занимает победа в карабахском конфликте. 27 сентября 2020 года началась Вторая Карабахская война, известная как «44-дневная война». В результате противостояния под контроль Азербайджана перешла практически вся территория Нагорного Карабаха. В ноябре того же года азербайджанские военные и лично президент как главнокомандующий объявили себя победителями. А в сентябре 2023 года в результате очередных боевых столкновений территория Нагорного Карабаха полностью перешла под контроль Азербайджана.

Итоги данного конфликта кардинально сместили акцент с травмы на триумф, что подтверждают мнения экспертов:

– «Наиболее значимым моментами в нашей истории это вот карабахская война … слава Богу три года назад мы восстановили справедливость это тоже стал для нас 2020 год сентябрь … как бы время когда мы все стали едины и восстановили справедливость в Карабахском регионе и вот неделю назад антитеррористические операции которые провели у нас в Карабахе которые тоже сыграли большую роль и мы гордимся за наших солдат…» (Эксперт 1);

– «Мы очень довольны, мы гордимся нашим главнокомандующим, нашим президентом, что мы сумели возвратиться на свои исторические земли, мы сумели возвратить Карабах. И сейчас у азербайджанцев, я вам скажу, начался золотой век развития.» (Эксперт 5);

– «То есть самое главное историческое событие произошло. Карабах вернулся в родную гавань. Лучше этого быть не может … Я никогда не мог поверить, что Шуша возвращается к нам. То, что сделал наш народ, то, что сделал под руководством верховного главнокомандующем и плюс Путин. Так что, слава Аллаху, слава Богу.» (Эксперт 8).

Примечательным аспектом государственной политики памяти Азербайджана является постоянное укрепление своих позиций по «карабахскому вопросу» на информационной платформе, используя международные ресурсы сотрудничества. На территориях, находящихся под контролем азербайджанских военных, проводятся масштабные съёмки, организуются туры

с привлечением не только высокопоставленных сотрудников международных представительств в этой стране, но и представителей международных СМИ (CBC TV Azerbaijan…web). Би-би-си также освещала этот вопрос в аналогичном сюжете, представляя мнения обеих сторон (Нагорный Карабах…web). Примеры возвращения азербайджанцев в прежние места проживания представлены в виде отдельных историй, которые носят довольно эмоциональный характер, и у зрителя, не полностью осведомленного об истории конфликта, по полученной информации могут сложиться разные мнения. Большое распространение получили документальные фильмы различных блогеров, представляющие собой человеческие истории о людях, которым когда-то пришлось уйти и покинуть свои дома. В этих фильмах использована особая техника кинопроизводства, затрагивающая самые чувствительные струны человеческой души. К примеру, в одном из них вернувшийся в Карвачар азербайджанец привез с собой ключ от дома своего деда и рассказывает, что он хранил этот ключ как реликвию тридцать лет, веря, что однажды они вернутся (д/ф «Карабах: люди войны» 2021).

Победа послужила новым и очень мощным дополнительным стимулом для художников. Практически за один год, прошедший после войны, были написаны стихи, спеты песни, снято множество музыкальных клипов. К юбилею выпущен документальный фильм о войне и роли главнокомандующего. Легко предположить, что это только начало, и с каждым годом количество работ будет стремительно расти.

Практики празднования победы дискурсивно, ритуально и эстетически заимствованы из российских сценариев празднования 9 мая. Парад Победы, прошедший через месяц после окончания конфликта, и военизированная версия шествия «Бессмертного полка», состоявшаяся в Баку в первую годовщину начала войны, – лишь самые очевидные примеры таких заимствований. Даже сам праздник назван Парадом победы по аналогии с российским (Парад победы…web).

Важно также понимать, что все произведения, посвященные конфликту и созданные до второй карабахской войны, также сохраняют свою актуальность. Более того, несмотря на столь радикальную смену вектора от травмы к триумфу, дискурс жертвенности и геноцида останется актуальным, как важнейшая практика дегуманизации противоположной стороны.

Фактор травмы в Азербайджане действительно сложный. С одной стороны, прослеживается достаточно четкий комплекс, связанный с азербайджано-армянскими отношениями: от претензий на Кавказскую Албанию до событий 2020 и 2023 гг. И это совершенно уникальный исторический травматический контент, осмысливаемый обеими воюющими сторонами как геноцид. Однако в этом комплексе есть и еще одна составляющая – травма депортации. Правда, к счастью, не было депортации всего этноса, как это было с кавказскими республиками, калмыками или с крымскими татарами,

это событие осуществлялось как «переселение диаспоры» из Армении в Азербайджан. Сами же азербайджанские историки, обозначая временные рамки депортации, выделяют 3 этапа: первый этап – 1918-1920; второй этап – 1948-1953; третий этап 1987-1991 (Shafiyev et al., 2024).

Практика депортации азербайджанцев из Армении впервые была реализована еще в 1918-1920 годах. Движущей силой такой политики и отношения к азербайджанцам было видение «Великой Армении» (Hasanov, 2018). Для этого «чужаков», в данном случае мусульман (а значит, и азербайджанцев), необходимо было вытеснить с армянских земель. Это помогло бы установить культурную однородность армянского народа. По мнению исследователя К. Шукурова,

> «...параллельно с геноцидом азербайджанцев весной 1918 года, устроенным большевиками и дашнаками Бакинского совета, аналогичные события разворачивались в уездах Иреванской губернии. Дашнакский режим убил или депортировал 565 000 азербайджанских турок в период с 1918 по 1920 год». Около шестидесяти процентов азербайджанцев погибли за два года дашнакского правления в 1918-1920 годах» (Shukurov, 2010).

Вторая волна депортации азербайджанцев из Армении пришлась на период с 1948 по 1953 год: «Сотни тысяч азербайджанцев вновь были депортированы, на этот раз советскими властями. Совет министров СССР принял два ключевых решения, которые способствовали этому процессу» (Karimli, 2023). Первое решение, №4083 в официальной советской документации, было опубликовано 23 декабря 1947 года и предписывало переселение азербайджанцев, проживающих в Армении, на Кура-Арасскую равнину Азербайджана под предлогом развития сельского хозяйства (в частности, хлопководства). Второе решение, №754 в официальной документации, появилось 10 марта 1948 года и обеспечило выполнение первого. В результате около 150 000 азербайджанцев были переселены, в частности, из Зангезурского района, что, по мнению исследователя Ж. Бахрамова, негативно сказалось на населении и культуре района: «Азербайджанцам пришлось покинуть свои дома, земли и культурное наследие. Многие культурные и религиозные достопримечательности были заброшены или разрушены, а основной целью было устранение азербайджанского следа из культурной и социальной ткани региона» (Bahramov, 2022, p. 84). В большинстве азербайджанской научной литературы, посвященной депортации азербайджанцев, данный период сравнивают с политикой советской власти по депортации чеченцев и ингушей, балкарцев и карачаевцев и других национальных меньшинств в Казахстан и Среднюю Азию (Shafiyev et al., 2024; Bayramzadeh & Kazimi, 2020; Khan, 2020).

Третья волна депортаций азербайджанцев из Армении пришлась на период с 1987 по 1991 год, которые «проводились при поддержке правительства и полиции Армении» (Papazian, 2023, p. 329). Тенденция к росту жестокости в обращении с азербайджанцами, по мнению исследователя Л. Гусейновой, совпала с ростом национализма в Армении: «Такие лозунги,

как «Армения без турок», «Армения должна быть очищена от турок!» и «Армения – только для армян!», распространялись и широко использовались» (Huseynova, 2022, p. 15). В свою очередь, армянские исследователи утверждают, что депортация азербайджанцев была ответом на насилие против армян в Азербайджане, особенно в Сумгаите 27 февраля 1988 года (Шнирельман, 2003; Валерий Газарян…web). Советское правительство было также объявлено одним из виновников данного этапа депортации по причине того, что «министерство внутренних дел СССР не принимало активного участия ни в одном из этих беспорядков, в основном выступая в роли пассивных наблюдателей» (Shafiyev et al., 2024). Исследователи М. Х. Явуз и М. М. Гюнтер также полагают, что «полное отсутствие ответственности за эти действия стало следствием нежелания советского руководства отойти от политики возложения равной вины на обе стороны конфликта, независимо от конкретных обстоятельств той или иной трагедии или процесса…» (Yavuz & Gunter, 2022, p. 27).

Этот вопрос, несомненно усугубив напряженность в отношениях между Азербайджаном и Арменией, составил неотъемлемую часть современного дискурса травмы, заметного в азербайджанской политике и обществе. Анализ ответов информантов также позволяет выделить события, посвященные депортации азербайджанцев в качестве одной из центральных «меток» травмы:

> – «Переселение азербайджанского населения из Армении, потому что рядом с моим домом. Я живу на Азадлыг. Это у нас проспект такой, рядом со мной есть здание, в котором живут беженцы и самого Карабаха и я помню, когда я была маленькая, я проходила через эти территории. Мне было очень грустно смотреть на всё это». (ФГ-6).

> – «То есть, там дети, можно сказать почти нет возможности, выгнали из своей территории, своих домов. Это настолько грустно, и ужасно было на тот момент то, что ты смотрела на это, ты не мог никак помочь этим людям, тебе просто хотелось, вот заплакать, вот, как душевно как-то на это реагировала, потому что для меня это, правда, очень обидно. Там были маленькие дети. Это очень грустно» (ФГ-8).

Заключение

Таким образом, на основе анализа результатов исследования, можно сделать вывод о том, что политика памяти Азербайджанской Республики, «ядром» которой является понятие «травмы», играет важную роль в конструировании новой национальной идентичности страны. В данном случае травма представлена целым комплексом меток памяти, объединённых с представлениями о генезисе собственной национальной идентичности азербайджанцев в противостоянии с армянским народом (депортация, войны). Эти события оставили глубокий след в коллективной памяти азербайджанского народа, особенно из-за массовых потерь, вынужденного переселения и разрушений. Государство активно использует память о травматических событиях для укрепления национальной идентичности, сплочения общества и мобилизации нации

вокруг идеи восстановления территориальной целостности. Понятие «травмы» становится достаточно эффективным инструментом в формировании национального нарратива и внешней политики, формируя образ страны, которая существует «вопреки» и постоянно борется за свою независимость. Дальнейшее конструирование политики памяти и педалирование «травматических эпизодов» азербайджанской истории может дать следующие эффекты:

1. Укрепление памяти о Карабахе: будет продолжаться акцентирование на победе в Карабахской войне как символе восстановления исторической справедливости. После возвращения территорий можно ожидать активной мемориализации этих мест (строительство памятников, восстановление и сохранение исторических и культурных объектов, которые будут представляться как символы «возвращенной истории»). Такая стратегия поможет укрепить территориальные претензии и память о «справедливом» исходе конфликта. Память о Ходжалинской резне и других трагических событиях также останется важной частью государственной идеологии.
2. Усиление культа личности Гейдара Алиева как главнокомандующего, который принес народу победу. Новые памятники, культурные мероприятия и образовательные проекты, связанные с его именем, будут способствовать укреплению позиции Ильхама Алиева. Внимание к его достижениям будет способствовать легитимизации действующего режима.
3. Интернационализация азербайджанской версии истории. В ближайшие годы можно ожидать героизации национальных символов и исторических личностей. Культура и искусство будут использоваться для популяризации этих образов как внутри страны, так и на международной арене. Важно отметить, что такие проекты могут быть сопряжены с политикой «мягкой силы» для усиления международного влияния Азербайджана. Конструирование новой версии азербайджанской истории приведет к дистанцированию от советского прошлого по причине снижения ее важности в общественном сознании.
4. Консолидация национальной идентичности. Победа в Карабахском конфликте будет использоваться как ключевой элемент национального самосознания. Власти будут стремиться превратить этот успех в долгосрочный символ национальной гордости и единства. Это проявится и в образовательных инициативах, и в учебниках истории, и культурных проектах. При этом внимание будет сосредоточено на молодом поколении, которые не были свидетелями Первой Карабахской войны, но чье восприятие конфликта станет решающим для поддержания национального нарратива. Можно предположить, что память о войнах, культ личности и новые исторические интерпретации будут интегрированы в образовательную систему на всех уровнях. Учебные программы

будут адаптироваться для включения этих элементов, создавая у учащихся ощущение принадлежности к великой нации с богатым историческим наследием, тем самым формируя у них устойчивую национальную идентичность.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

Список литературы

Bahramov, J. (2022). The Crime of Armenian Fascism Against the Azerbaijani People Based on Historical Facts. *International Scientific Journal: the Caucasus and the World*, 24, 79-95. https://doi.org/10.52340/isj.2022.24.16

Bartłomiej, K. (2021). The Instrumentalization of Cultural Memory as the Factor in Armenian-Azerbaijani Rivalry over the Nagorno Karabakh. *Studia Wschodnioeuropejskie*, 14, 32-45. https://doi.org/10.31971/24500267.14.3

Bayramzadeh, S.Z.O., & Kazımı, P.F.O. (2020). Ethnogenesis of Minor Peoples or the Search for Eternal History. *American Scientific Journal*, 42(2), 4-10. https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.5.79.1063

Budrytė, D. (2022). Collective Memory in International Relations. *Perspectives on Politics*, 20(1), 370-372. https://doi.org/10.1017/S1537592721003315

Denison, M. (2009). The Art of the Impossible: Political Symbolism, and the Creation of National Identity and Collective Memory in Post-Soviet Turkmenistan. *Europe-Asia Studies*, 61, 1167-1187. https://doi.org/10.1080/09668130903068715

Garagozov, R. (2006). Collective Memory in Ethnopolitical Conflicts: the Case of Nagorno-Karabakh. *Central Asia and the Caucasus*, 5(41), 145-155.

Garagozov, R. (2012). Azerbaijani History and Nationalism in the Soviet and post-Soviet Periods: Challenges and Dilemmas. *Dynamics of Asymmetric Conflict*, 5, 136-142. https://doi.org/10.1080/17467586.2012.743030

Hambardzumyan, N. (2023). The Politics of Memory as a Tool of Azerbaijan's Ethno-Political Strategy and Its Propaganda Manifestations in the Media. *Scientific Artsakh*, 1(16), 89-99. https://doi.org/10.52063/25792652-2023.1.16-89

Hasanov, A. (2018). *Stages of Ethnic Cleansing and Genocide Against the Azerbaijanis.* London: MMC Publishing House.

Huseynova, L. (2022). The Issue of Genocide and Deportation of Azerbaijanis in the Focus of the State (1993- 2003). *Colloquium-Journal*, 14(137), 14-16.

Jay, M. (2003). *Refractions of Violence*. London: Routledge, 225 p.

Karimli, I. (2023). *Western Azerbaijan Community Announces Concept for Return of Azerbaijanis Deported from Modern-day Armenia*. https://caspiannews.com/news-detail/western-azer-

baijan-community-announces-concept-for-return-of-azerbaijanis-deported-from-modern-day-armenia-2023-1-27-25

Khan, A. (2020). Revisiting the Conflict Between Azerbaijan and Armenia. *The Indian Journal of Politics*, 54(1-2), 1-20.

Mammadova, S. (2024). Remembering Lived Past: History and Memory in Post-Stalin Azerbaijan. *Journal of Contemporary History*, 59(1), 185-201. https://doi.org/10.1177/00220094231209239

Mammadova, S. & Məmmədova, S. (2023). *Deconstructing Narratives of Pain: Speaking and Writing National History in Modern Azerbaijan*. https://bakuresearchinstitute.org/en/deconstructing-narratives-of-pain-speaking-and-writing-national-history-in-modern-azerbaijan/?print=pdf

Nora, P. (2002). Gedächtniskonjunktur [Memory boom]. *Transit*, 22, 18-33. https://doi.org/10.1108/02602280210697087 (In German).

Papazian, H. (2023). Turkey and 'Turks' in Postwar Armenia: Anxieties, Meanings, and Politics After the 2020 Karabakh War. *Formerly Global Review of Ethnopolitics*, 23(3), 317-338. https://doi.org/10.1080/17449057.2023.2176587

Paskaleva, E. & Berg, G. (2023). *Memory and Commemoration across Central Asia.* Brill. https://doi.org/10.1163/9789004540996_002

Radnitz, S. (2019). Reinterpreting the Enemy: Geopolitical Beliefs and the Attribution of Blame in the Nagorno-Karabakh Conflict. *Political Geography*, 70, 64-73. https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2019.01.009.

Shafiyev, F., Huseynov, S., Valiyev, E., Hasanli, E., Hasanov, D., Khalilov, P., Baghirova, S. & Sultanli, H. (2024). *Return of Azerbaijani Refugees to Armenia: Analysis of deportation of Azerbaijanis from Armenia and Policy Proposals for the Return of Azerbaijani Refugees*. Baku: Center of Analysis of International Relations, 29 p. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.18978.85442

Shukurov, K. (2010). *Great Tragedy: Deportation of Azerbaijanis from Armenia. Visions of Azerbaijan*. http://www.visions.az/en/news/233/19b4cf06

Todorova, M. & Gille, Z. (2012). *Post-Communist Nostalgia*. Oxford: Berghahn Books.

Yavuz, M. H., & Gunter, M. M. (2023). *The Karabakh Conflict Between Armenia and Azerbaijan: Causes & Consequences*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-16262-6_2

Абдуллаев, Я. С. О., Лобанов, В. Б., & Михайлов, В. В. (2018). Азербайджанская Демократическая Республика в борьбе за сохранение территориальной целостности в 1918-1920 гг. *Современная научная мысль*, (6), 81-88.

Агаян, Н. А. (2021). Создание «образа врага» как метод пропаганды в информационной войне. *Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки*, 2(38), 32-40. https://doi.org/10.48200/1829-0450_2021_2_32

Айерман, Р. (2016). Культурная травма и коллективная память. *Новое литературное обозрение*, 5, 42-54.

Александер, Дж. (2013). *Смыслы социальной жизни: Культурсоциология*. Праксис.

Алиев, Р. Т. (2024). От кимоно до Биг-Мака: Анализ интернет-запросов россиян как отражения стереотипов, формирующих образы Другого. *Журнал Фронтирных Исследований*, 9(1), 165–186. https://doi.org/10.46539/jfs.v9i1.577

Алиев, Р. Т., & Якушенкова, О. С. (2022). Компаративистский анализ трансформации алиментарного аспекта образа Чужого: 2018-2022 гг. *Журнал Фронтирных Исследований*, 7(3), 283-303. https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.436

Аникин, Д. А. & Головашина, О. В. (2017). Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования. *Вестник Томского государственного университета*, 425, 78-84.

Ассман, А. (2016). *Новое недовольство мемориальной культурой*. Новое литературное обозрение.

Бадью, А. (2002). Тайная катастрофа. Конец государственной истины. *Социологос (альманах)*: *Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук*. Москва-Санкт-Петербург, 269-289.

Бегунова, Е. А. (2019). Некоторые аспекты сравнительного анализа понятий «культурная память» и «историческая память» в зарубежной и отечественной гуманитаристике. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, 48, 50-55.

Бурдье, П. (2007). *Социология социального пространства*. Институт экспериментальной социологии.

Валерий Газарян: Имела ли место депортация азербайджанцев из Армении в советские годы? https://regnum.ru/news/1657402

Галиев, А. А. (2018). История и травмы прошлого в политике памяти государств Центральной Азии. В *Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего: Сборник статей по итогам всероссийской научной конференции* (сс. 29-34). ИЦ «Наука».

Геоктепинская битва и Индийский синдром. https://www.hronikatm.com/2015/01/geoktepinskaya-bitva-i-indiyskiy-sindrom/

Головашина, О.В. (2018). Trauma studies: постановка проблемы и общая характеристика темпорального подхода к исследованию травм. В *Историческая память: травмы прошлого, противоречия настоящего, перспективы будущего* (сс. 44-48). ИЦ «Наука».

Емельянова, Н.Н. (2020). Политика памяти и травмы коллективной памяти в условиях секьюритизации, *Вопросы философии*, 7, 30-34. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-30-34

Заяц, П.В., & Зинченко Я.Г. (2024). Политика памяти как определяющий фактор процессов ремоделирования национальной идентичности в постсоветском пространстве (на примере Азербайджанской Республики). Государственное и муниципальное управление. *Ученые записки*, 2, 234-239. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-234-239

Карагезов, Р. (2009). Коллективная память и национальная идентичность в эпоху глобализации (на материале эмпирического исследования молодежи Азербайджана). *Кавказ и глобализация*, 3(1), 113-124.

Кровная Память. https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/memories

Левашов, В. К. (Ред.). (2023). *Российское общество и государство в условиях глобальной многополярности. Социально-политическое положение России в 2022 году*. ФНИСЦ РАН. https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023

Мелелашвили, Н. (2008). Об осмыслении прошлого и роль политики памяти в формировании конфликтной идентности (на примере Нагорного Карабаха). *Научный журнал Власть и общество (История, Теория, Практика)*, 3-2, 213-224.

Мельников, М. В. (2023). Национализация и приватизация коллективной памяти о культурных травмах: социофилософские аспекты изучения. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, (72), 122-130.

Нагорный Карабах: жизнь после войны: Документальный фильм Би-би-си. https://www.youtube.com/watch?v=v_iywHNb0-g&t=10s

Парад победы в Баку: показ трофеев, элитных спецподразделений и новых вооружений ВС АР. https://www.youtube.com/watch?v=kSBE66cCY6I

Плотников, Д. С. (2018). Изменения в политике памяти в государствах - союзниках России на постсоветском пространстве после 2014 года. *Вестник Пермского университета. Политология*, 1, 92-107.

Представители зарубежных СМИ и дипкорпуса побывали в Карабахе. CBC TV Azerbaijan. https://www.youtube.com/watch?v=x3ajCvL5y04

Рагозина, Т. Э. (2017). Культурная память versus историческая память. *Наука. Искусство. Культура*, 3, 12-21.

Романова, А. П., & Морозова, Е. В. (2023). Конструирование новых идентичностей в современном Казахстане: тенденции и ориентиры. *Мировая экономика и международные отношения*, 67, 7, 85-102. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-7-85-102

Романова, А. П., & Федорова, М.М. (2023a). Роль политики памяти в конструировании новых идентичностей в странах Большого Каспия (на примере Республики Казахстан и Республики Туркменистан). *Сравнительная политика*, 14(3), 65-86. https://doi.org/10.46272/2221-3279-2023-3-14-60-78

Романова, А.П., & Федорова, М.М. (2023b). Между советским прошлым и национальной историей: к вопросу о новой казахстанской идентичности. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*, 14, (12-2). https://doi.org/10.18254/S207987840029775-1

Романова, А.П., & Черничкин, Д.А. (2024). Влияние Турции и пантюркизма на конструирование новых национальных идентичностей Каспийского региона: пример Туркменистана и Казахстана. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 26, 1, 181-206. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-181-206

Семененко, И.С. (Ред.). (2017). *Идентичность: Личность, общество, политика: Энциклопедическое издание*. Весь Мир

Семененко, И.С. (Ред.). (2023). *Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля*. Весь Мир.

Токаев высказался о Дне памяти жертв политрепрессий — что он значит для Казахстана. https://bizmedia.kz/2023-05-31-tokaev-vyskazalsya-o-dne-pamyati-zhertv-politrepressij-chto-on-znachit-dlya-kazahstana/

Шнирельман, В.А. (2003). *Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье*. Академкнига.

Штомпка, П. (2001). Культурная травма в посткоммунистическом обществе. Статья вторая. *Социологические исследования*, 2, 3-12.

References

Abdullaev, Ya. S. O., Lobanov, V. B., & Mikhaylov, V. V. (2018). Azerbaijan Democratic Republic in the Fight for the Preservation of Territorial Integrity in 1918-1920-ies. *Modern Scientific Thought*, (6), 81-88. (In Russian).

Aghayan, N. (2021). Creating an "Enemy Image" as a Propaganda Trick in Information War. *Vestnik of the Russian-Armenian (Slavonic) University*, 2(38), 32-40. https://doi.org/10.48200/1829-0450_2021_2_32 (In Russian).

Alexander, J. (2013). *Meanings of Social Life: Kultursociology*. Praxis Publ. (In Russian).

Aliev, R. T. (2024). From Kimono to Big Mac: An Analysis of Russian Internet Queries as a Reflection of Stereotypes Forming Images of the Other. *Journal of Frontier Studies*, 9(1), 165–186. https://doi.org/10.46539/jfs.v9i1.577 (In Russian).

Aliev, R. T., & Yakushenkova, O. S. (2022). A Comparativistic Analysis of the Transformation of Alimentary Aspect of the Other's Image: 2018-2022. *Journal of Frontier Studies*, 7(3), 283–303. https://doi.org/10.46539/jfs.v7i3.436 (In Russian).

Anikin, D. A. & Golovashina, O. V. (2017). Trauma to cultural memory: conceptual analysis and methodological bases of research. *Tomsk State University Journal*, 425, 78-84. (In Russian).

Assmann, A. (2016). *A new dissatisfaction with memorial culture*. Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian).

Badiou, A. (2002). A secret catastrophe. The end of state truth. *Sociologos (almanac): Almanac of the Russian-French Center of Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences*. Москва-Санкт-Петербург, 269-289. (In Russian).

Bahramov, J. (2022). The Crime of Armenian Fascism Against the Azerbaijani People Based on Historical Facts. *International Scientific Journal: the Caucasus and the World*, 24, 79-95. https://doi.org/10.52340/isj.2022.24.16

Bartłomiej, K. (2021). The Instrumentalization of Cultural Memory as the Factor in Armenian-Azerbaijani Rivalry over the Nagorno Karabakh. *Studia Wschodnioeuropejskie*, 14, 32-45. https://doi.org/10.31971/24500267.14.3

Bayramzadeh, S.Z.O., & Kazımı, P.F.O. (2020). Ethnogenesis of Minor Peoples or the Search for Eternal History. *American Scientific Journal*, 42(2), 4-10. https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.5.79.1063

Begunova, E. A. (2019). Some Aspects of Comparative Analysis of the Concepts "Cultural Memory" and "Historical Memory" in Foreign and Domestic Humanities. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Art*, 48, 50-55. (In Russian).

Blood Memory. https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/memories (In Russian).

Bourdieu, P. (2007). *Sociology of social space*. Institute of Experimental Sociology. (In Russian).

Budrytė, D. (2022). Collective Memory in International Relations. *Perspectives on Politics*, 20(1), 370-372. https://doi.org/10.1017/S1537592721003315

Denison, M. (2009). The Art of the Impossible: Political Symbolism, and the Creation of National Identity and Collective Memory in Post-Soviet Turkmenistan. *Europe-Asia Studies*, 61, 1167-1187. https://doi.org/10.1080/09668130903068715

Emelyanova, N.N. (2020). Politics of Memory and Trauma to Collective Memory Under Securitization Conditions, *Voprosy Filosofii*, 7, 30-34. https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-30-34 (In Russian).

Eyerman, K. (2016). Cultural trauma and collective memory. *New Literary Review*, 5, 42-54. (In Russian).

Galiev, A. A. (2018). History and traumas of the past in the memory politics of Central Asian states. In *Historical memory: traumas of the past, contradictions of the present, prospects for the future Collection of articles on the results of the All-Russian scientific conference* (pp. 29-34). "Nauka" Press. (In Russian).

Garagozov, R. (2006). Collective Memory in Ethnopolitical Conflicts: the Case of Nagorno-Karabakh. *Central Asia and the Caucasus*, 5(41), 145-155.

Garagozov, R. (2012). Azerbaijani History and Nationalism in the Soviet and post-Soviet Periods: Challenges and Dilemmas. *Dynamics of Asymmetric Conflict*, 5, 136-142. https://doi.org/10.1080/17467586.2012.743030

Golovashina, O.V. (2018). Trauma studies: problem statement and general characteristic of the temporal approach to trauma research. In *Historical memory: traumas of the past, contradictions of the present, prospects for the future* (pp. 44-48). "Nauka" Press. (In Russian).

Hambardzumyan, N. (2023). The Politics of Memory as a Tool of Azerbaijan's Ethno-Political Strategy and Its Propaganda Manifestations in the Media. *Scientific Artsakh*, 1(16), 89-99. https://doi.org/10.52063/25792652-2023.1.16-89

Hasanov, A. (2018). *Stages of Ethnic Cleansing and Genocide Against the Azerbaijanis.* London: MMC Publishing House.

Huseynova, L. (2022). The Issue of Genocide and Deportation of Azerbaijanis in the Focus of the State (1993- 2003). *Colloquium-Journal*, 14(137), 14-16.

Jay, M. (2003). *Refractions of Violence*. London: Routledge, 225 p.

Karagezov, R. (2009) Collective memory and national identity in the era of globalization (on the material of empirical study of young people in Azerbaijan). *Caucasus & Globalization*, 3(1), 113-124. (In Russian).

Karimli, I. (2023). *Western Azerbaijan Community Announces Concept for Return of Azerbaijanis Deported from Modern-day Armenia*. https://caspiannews.com/news-detail/western-azerbaijan-community-announces-concept-for-return-of-azerbaijanis-deported-from-modern-day-armenia-2023-1-27-25

Khan, A. (2020). Revisiting the Conflict Between Azerbaijan and Armenia. *The Indian Journal of Politics*, 54(1-2), 1-20.

Levashov, V. K. (Ed.). (2023). *Russian society and state in the context of global multipolarity. Socio-political situation of Russia in 2022: [Monograph]*. Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation. https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-409-3.2023 (In Russian).

Mammadova, S. (2024). Remembering Lived Past: History and Memory in Post-Stalin Azerbaijan. *Journal of Contemporary History*, 59(1), 185-201. https://doi.org/10.1177/00220094231209239

Mammadova, S. & Məmmədova, S. (2023). *Deconstructing Narratives of Pain: Speaking and Writing National History in Modern Azerbaijan*. https://bakuresearchinstitute.org/en/deconstructing-narratives-of-pain-speaking-and-writing-national-history-in-modern-azerbaijan/?print=pdf

Melelashvili, N. (2008). On the comprehension of the past and the role of memory politics in the formation of conflict identities (on the example of Nagorno-Karabakh). *Scientific Journal Power and Society (History, Theory, Practice)*, 3-2, 213-224. (In Russian).

Melnikov, M. V. (2023). Nationalization and Privatization of the Collective Memory of Cultural Trauma: Socio-Philosophical Aspects of the Study. *Tomsk State University Journal*, (72), 122-130. (In Russian).

Nagorno-Karabakh: Life after the war: BBC documentary. https://www.youtube.com/watch?v=v_iywHNb0-g&t=10s (In Russian).

Nora, P. (2002). Gedächtniskonjunktur [Memory boom]. *Transit*, 22, 18-33. https://doi.org/10.1108/02602280210697087 (In German).

Papazian, H. (2023). Turkey and 'Turks' in Postwar Armenia: Anxieties, Meanings, and Politics After the 2020 Karabakh War. *Formerly Global Review of Ethnopolitics*, 23(3), 317-338. https://doi.org/10.1080/17449057.2023.2176587

Paskaleva, E. & Berg, G. (2023). Memory and Commemoration across Central Asia. Brill. https://doi.org/10.1163/9789004540996_002

Plotnikov, D. S. (2018). Changes in "Politics Of Memory" of the Post-Soviet Russia's Allies After 2014. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 1, 92-107. (In Russian).

Radnitz, S. (2019). Reinterpreting the Enemy: Geopolitical Beliefs and the Attribution of Blame in the Nagorno-Karabakh Conflict. *Political Geography*, 70, 64-73. https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2019.01.009

Ragozina, T. E. (2017). Cultural Memory Versus Historical Memory. *Science. Art. Culture*, 3, 12-21. (In Russian).

Representatives of foreign media and diplomatic corps visited Karabakh. CBC TV Azerbaijan. https://www.youtube.com/watch?v=x3ajCvL5y04 (In Russian).

Romanova, A. P., & Morozova, E. V. (2023). Construction of New Identities in Modern Kazakhstan: Trends and Reference Points. *World Economy and International Relations*, 67, 7, 85-102. https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-7-85-102 (In Russian).

Romanova, A.P., & Chernichkin, D.A. (2024). Turkey and Pan-Turkism Influence on the Development of New National Identities in the Caspian Region: The Evidence from Turkmenistan and Kazakhstan. *RUDN Journal of Political Science*, 26, 1, 181-206. https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-1-181-206 (In Russian).

Romanova, A.P., & Fedorova, M.M. (2023a). Memory Policy and the Construction of New Identities in the Greater Caspian Countries: The Cases of Kazakhstan and Turkmenistan. *Comparative Politics Russia*, 14(3), 65-86. https://doi.org/10.46272/2221-3279-2023-3-14-60-78 (In Russian).

Romanova, A.P., & Fedorova, M.M. (2023b). Between the Soviet Past and National History: to the Issue of a New Kazakh Identity. *Istoriya*, 14, (12-2). https://doi.org/10.18254/S207987840029775-1 (In Russian).

Semenenko, I.S. (Ed.). (2017). Identity: Personality, Society, Politics: Encyclopedic Edition. Ves Mir Publ. (In Russian).

Semenenko, I.S. (Ed.). (2023). Identity: personality, society, politics. New contours of the research field. Ves Mir Publ. (In Russian).

Shafiyev, F., Huseynov, S., Valiyev, E., Hasanli, E., Hasanov, D., Khalilov, P., Baghirova, S. & Sultanli, H. (2024). *Return of Azerbaijani Refugees to Armenia: Analysis of deportation of Azerbaijanis from*

Armenia and Policy Proposals for the Return of Azerbaijani Refugees. Baku: Center of Analysis of International Relations, 29 p. https://doi.org/10.13140/RG.2.2.18978.85442

Shnirelman, V.A. (2003). *Memory wars: myths, identity and politics in Transcaucasia*. Academkniga Publ. (In Russian).

Shukurov, K. (2010). *Great Tragedy: Deportation of Azerbaijanis from Armenia. Visions of Azerbaijan*. http://www.visions.az/en/news/233/19b4cf06

Sztompka, P. (2001). Cultural trauma in post-communist society. Second Article. *Sociological Studies*, 2, 3-12. (In Russian).

The Geoctepean Battle and the Indian Syndrome. https://www.hronikatm.com/2015/01/geoktepinskaya-bitva-i-indiyskiy-sindrom/ (In Russian).

Todorova, M. & Gille, Z. (2012). *Post-Communist Nostalgia*. Oxford: Berghahn Books.

Tokayev spoke about the Day of Remembrance of Victims of Political Repression - what it means for Kazakhstan. https://bizmedia.kz/2023-05-31-tokaev-vyskazalsya-o-dne-pamyati-zhertv-politrepressij-chto-on-znachit-dlya-kazahstana/ (In Russian).

Valeriy Ghazaryan: Was there deportation of Azerbaijanis from Armenia during the Soviet years? https://regnum.ru/news/1657402 (In Russian).

Victory parade in Baku: display of trophies, elite special units and new weapons of the Armed Forces of the Armed Forces of Azerbaijan. https://www.youtube.com/watch?v=kSBE66cCY6I (In Russian).

Yavuz, M. H., & Gunter, M. M. (2023). *The Karabakh Conflict Between Armenia and Azerbaijan: Causes & Consequences*. Palgrave Macmillan, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-031-16262-6_2

Zayats, P.V., & Zinchenko Ya.G. (2024). Politics of memory as a determining factor in the processes of remodeling national identity in the post-Soviet space (using the example of the Republic of Azerbaijan). *State and Municipal Management. Scholar Notes*, 2, 234-239. https://doi.org/10.22394/2079-1690-2024-1-2-234-239 (In Russian).